

...про барона и дракона

Алексей Бессонов

Путешествие с дядюшкой Джедом

«Автор»

2007

Бессонов А. И.

Путешествие с дядюшкой Джедом / А. И. Бессонов — «Автор»,
2007 — (...про барона и дракона)

© Бессонов А. И., 2007

© Автор, 2007

Содержание

1	5
2	9
3	12
4	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Алексей Бессонов

Путешествие с дядюшкой Джедом

1

Маркграф Ромуальд Шизелло отложил в сторону перо и довольно потянулся в кресле. Не далее чем сегодня утром его супруга отбыла на воды в Шмупьянск, а значит, Ромаульд имел все основания полагать, что ближайший месяц может быть отдан научной работе и охотничьим экспедициям в компании тестя.

Шизелло встал из-за стола, подошел к огромному, в пол-стены, аквариуму и рассеянно покормил сушеной крысиной печенью своего любимца, ручного спрута по имени Катанья, доставленного в свое время из самого Палермо. Обычно ласковый, спрут почему-то не стал благодарить хозяина за угощение, а наоборот, сморщился и попытался спрятаться в дальнем необжитом углу. Поведение моллюска несколько озадачило естествоиспытателя, но все же он не придал ему особого значения: сквозь раздвинутые балконные шторы в кабинет пробивалось прелестное предзакатное солнышко, и Ромуальд совершенно не желал портить себе настроение.

Молодой ученый уже собрался было достать из сейфа заветную сигару, как вдруг его отвлек звонок внутреннего телефона.

– Ну, что там? – не без раздражения поинтересовался он, снимая трубку.

– Это с КПП, ваша милость! – услышал он бодрый голос начальника стражи. – Тут какой-то господин с чемоданами ломится, говорит, ваш дядька... я вот и думаю какой такой дядька в нынешнее-то время? Так он загранпаспорт в нос тычет – как есть, Шизелло! Что делать прикажете? Или не пускать все же?

– Погодите, – отрубил Ромуальд и с задумчивостью почесался.

Через минуту он уже вышел из донжона и, миновав мощный булыжник двор, приблизился к главному КПП замка. В тесной комнате ожидающих на шею ему неожиданно бросился некий широкоплечий субъект в темных очках и устрашающих бакенбардах. Ростом пришелец был Ромуальду едва по плечо, но мощи при том необыкновенной.

– Дорогой племянник! – завопил гость фальцетом. – Какое, наконец, таки счастье! Вот я и добрался до родового гнезда моего дорогого, столь рано усопшего брата! Да ты не менжуйся, племянничек, – вот тебе ксива, – и сунул под нос Ромуальду загранпаспорт давно устаревшего образца.

– Погодите, погодите, – слегка оттолкнул вновь прибывшего изумленный Ромуальд, изучая документ. – Это что же получается – вы тот самый Джедедайя Шизелло, в молодости еще убывший на атолл Папапука для изучения магии местных троглодитов и померший там от медвежьей болезни?

– Во-первых, не медвежьей, а слоновой, во-вторых, меня вылечили, и, в-третьих, не атолл Папапука, а остров Кумасрака. Но какое это имеет значение, дорогой племянник?! Главное, то, что я наконец – здесь! После стольких лет странствий и скитаний!

– Странно, – удивился Ромуальд, – а в газетах писали иначе. Впрочем, я не могу не видеть в вас родовые черты, так присущие некогда моему любимому покойному папочке... Добро пожаловать, дорогой дядюшка! Дворецкий поместит вас пока в гостевых покоях, а я тем временем распоряжусь насчет обеда.

Переодеваясь к обеду, Ромуальд вспомнил кое-какие известные ему нюансы финансовой жизни дядюшки. Претендовать на замок и земли Джедедайя, как младший сын в семье, не мог ни при каких раскладах – ему отходила своя, заранее оговоренная, часть наследства. Какого ж

тогда дьявола его вдруг принесло именно сюда, в родовое гнездо маркграфов Шизелло? Или ему действительно некуда податься? Этого только и не хватало – Ромуальд хорошо представлял себе реакцию супруги на подобные новости.

После недолгого размышления маркграф пришел к мысли о том, что за обедом все так или иначе выяснится, а значит, незачем морочить себе голову раньше срока. Освежившись рюмкой армянского бренди, Ромуальд Шизелло спустился в обеденную залу.

Согласно полученным распоряжениям, повара не стали утруждаться: ведро ракового супу, дюжина перепелов в сливовом соусе, седло косули под шампиньонами да небольшой, килограмм на пятнадцать, сом – вот и вся трапеза. Из вин Ромуальд приказал подать четверть тестевой вишневки, по кувшину каховского, а также бочонок нефилтрованного домашнего пива.

Вскоре появился и дядюшка, облаченный к обеду в линялый домашний камзол с бахромой на манжетах и остроносые заморские тапки, противно скрипящие на ходу. Ромуальд невольно присмотрелся: по всему выходило, что подошвой для обуви послужила вытертая шина от грузовика.

– Какое счастье вкусить под родимым кровом! – взмахнул рукой дядюшка Джедадайя. – Особенно после всех пережитых мною в странствиях тягот, болезней и прочих...

– Будьте как дома, – слегка поклонился Ромуальд и самолично наполнил бокалы вишневкой.

– Ну, тогда за встречу! – смешно шевеля бровями, провозгласил дядюшка и осушил свою посуду одним емким глотком.

«Видно, годы странствий научили старика верному обращению с бокалом, – не без уважения подумал маркграф Шизелло. – Чувствуется школа, чувствуется!»

Ободренный напитком, Джедадайя без лишних церемоний придвинул к себе серебряный суповой тазик и взялся за ложку, да так, что уже через минуту показалось дно. Ромуальд поспешил вновь налить вишневкой. Дядюшка довольно хрюкнул, чокнулся, после чего потянул на себя ведро с остатками супа, явно намереваясь воздать им должное. На это у него ушло не более нескольких мгновений.

– Если вспомнить, как я, бывало, голодал в бескрайних джунглях диких островов, – вздохнул он, фокусируясь на блюде с перепелами, – то, по совести говоря, отсутствие у меня язвы желудка не может вызвать ничего, кроме изумления.

– Вот как? – вежливо улыбнулся Ромуальд, понимая, что сильно ошибся с обедом: нужно было готовить на танковую роту.

– Да-с, дорогой племян, пищеварение у меня превосходное! Впрочем, тебе должно быть известно, что это у нас – семейное. Твой почивший папаша, царствие ему небесное, еще в детстве умел в одиночку съесть самого лучшего гуся, что только и можно было найти в окрестных деревнях. А после того, бывало, требовал две дюжины сосисок, пол-бочонка квашеной капусты и кувшин безалкогольного...

Ромуальд вздохнул. В гроб его отца загнало именно фамильное, будь оно неладно, обжорство, нередкие приступы которого сам он ощущал и в себе. Понимая, чем он может кончить, Ромуальд всю жизнь боролся с пагубной склонностью, но время от времени ему приходилось отступать, и тогда его спасали только могучие слабительные смеси, приготовлению коих он выучился в университете.

– Попробуйте вот каховского, дорогой дядюшка, – предложил маркграф, придвигая к родичу пятилитровый глиняный кувшин, украшенный работой палехских мастеров.

– В такую погоду? – приподнял бровь Джедадайя. – Не откажусь! Там, на островах, под палящим солнцем – сколько раз, бывало, я мечтал о паре стаканчиков доброго красного! Но увы, ничем, кроме дурной кокосовой наливки разжиться не удавалось. Впрочем, для профилактики малярии годится и кокосовая.

– Надо полагать, за годы изысканий вы приобрели определенные э-ээ... знания? – осторожно поинтересовался Ромуальд, желая перевести разговор в другую плоскость. – В газетах писали, что вы не один год провели среди диких троплодитов, известных своей лесной магией. Мне было бы интересно услышать о загадочных ритуалах, изучению которых вы посвятили свою жизнь...

Джедадая Шизелло насупился, и некоторое время сидел молча, будто бы собираясь с мыслями.

– В нашем роду, как ты знаешь, было немало известных естествоиспытателей, – промолвил он, наливая себе наконец каховского. – Твой прадед, Сантос Шизелло, твой отец – мой несчастный брат... да и сам ты, я слышал, уже успел сделать себе имя в научных кругах. Меня, как и следовало ожидать, ученая стезя привлекала с отрочества. Однако роль кабинетного мудреца, занятого перелистыванием истлевших фолиантов, мне не подходила. Я рвался к первоисточнику, тем более что вокруг нас, как ты сам понимаешь, надолго еще хватит тайн и загадок. На последнем курсе университета мне повезло вступить в некое студенческое братство, члены которого поклялись положить все свои силы на алтарь науки, изучая непознанное в самых отдаленных уголках нашего бескрайнего мира. Тебе может показаться, что я полон нелепого пафоса, но поверь, в те годы мы думали именно так. Многие из нас погибли... позже. Многие были съедены ужасными дикарями, многие умерли от неведомых болезней, кое-кто ушел от нас из-за воздействия страшной магии, изучением которой мы так неосмотрительно занимались. Мне повезло: достижения медицины плюс дружеское расположение некоторых колдунов спасли мне жизнь и здоровье. Но при этом...

Путешественник опорожнил кубок, с шумом вернул его на стол и глубоко вздохнул. На зубах его хрустнул перепел.

– Множество зловещих тайн хранят далекие острова, – продолжил он, чавкая. – Есть места, где людей едят даже без соли, с одним лишь грибным соусом.

– Без соли? – содрогнулся от услышанного Ромуальд. – Да как же это, в самом-то деле?

– Истинно так, – кивнул Джедадая, – без соли, под грибным соусом, получая от того некое извращенное наслаждение, а иногда даже впадая в транс. Должен признаться, я и сам едва избежал подобной участи: не будь я человеком образованным, ног бы не унес. Джунгли не любят чужих!.. Великое множество страшных тайн хранит в себе этот зеленый ад, и далеко не все из них доступны человеческому пониманию вообще.

– Да что вы? – удивился Ромуальд, ощущая, как по спине ползет предательская струйка холодного пота.

– Да-да! – Джедадая врезал кулаком по столу и с горячностью потянулся к кувшину. – Не один год я провел среди ужасных дикарей, живя их жизнью и пытаясь постичь суть страшной магии, которой в совершенстве владеют их колдуны. Чего я там только не навидался! Мне случалось видеть птиц, летающих кверху брюхом, я видел рыб, откладывающих икру на песке, однако ж, все это можно хоть как-то, но объяснить при помощи законов природы. А вот люди, превращающиеся по собственной воле в дерьмо – это, скажу я тебе!..

– Ну, – скептически хмыкнул молодой маркиграф, вспомнив своего старого приятеля, шоумена Олафа Щитмана, – это и я видывал.

– Старый дешевый трюк, – поморщился дядюшка. – Потом свет гаснет, а когда загорается снова, артист выходит в сверкающей визитке. Нет-нет, поверь мне: говорящая куча дерьма – это сильно воздействует на психику, особенно если речь идет о необразованных дикарях. Таким способом отдельные вожди добиваются невиданного авторитета среди подданных.

С этими словами Джедадая дохрустел последнего перепела и отрезал себе кусочек косули. В какой-то момент Ромуальду причудилось, что на удивление крепкие зубы путешественника сверкают характерным бриллиантовым блеском, но он поборол морок. Молодой маркиграф шелкнул пальцами, вызывая дворецкого и, когда тот склонился над ним, шепотом

приказал зажарить в гриле полдюжины свежих гусей, а также позаботиться о винах. Дворецкий сделал большие глаза – давно уже в замке не случалось настоящего жора, – и умчался на кухню.

– Но это еще мелочи, – сообщил Джедедайя, вгрызаясь в косулю. – Со временем мне удалось обзавестись парой могущественнейших амулетов, способных воздействовать на самую ткань бытия. Для того чтобы добыть их, я трижды поднимался вверх по бурным рекам, ежеминутно рискуя оказаться в качестве закуски на столе враждебных всему живому троглодитов. Но – мне это удалось!

– Вот как! – заинтригованно отозвался Ромуальд. – Все это чрезвычайно интересно! И чем же вам помогают данные амулеты?

– О, многим! Но амулеты я покажу тебе чуть позже. Все дело в том, – и путешественник, опрокинув в пасть последние капли каховского, доверительно наклонился к своему племяннику, – что на меня возложена некая миссия. Весьма вероятно, что она потребует от меня предельного напряжения всех душевных сил, но отказаться от нее я не мог. Как, дорогой племянник, готов ли ты к настоящему приключению?

– Лететь на острова я не смогу, – быстро отреагировал Ромуальд. – Мне здоровье не позволяет.

– Об островах речь не идет! Да и путь наш будет недолгим. Зло притаилось здесь, буквально у нас под носом, и мы должны извести его раньше, чем оно возьмется за нас самих.

– Да что ж тут у нас может быть? – не поверил маркграф. – Залетал сюда, помнится, один злой колдун из Магриба, так мы накрыли его достаточно быстро – а с тех пор даже упыри нас десятой дорогой обходят.

– Ай, да если б речь шла о колдунах с упырями – я прихлопнул бы их одним чихом! – воскликнул Джедедайя, одобрительно наблюдая за кравчим, несущим из кухни три кувшина каховского. – Обретенные в результате скитаний знания и навыки позволяют мне не церемониться с такими поносниками. Но скажи-ка мне вот что, племянш: приходилось ли тебе слышать о болотах, раскинувшихся в глубине Старошмопского леса?

– Дурные места, – покачал головой Ромуальд. – К тому надобно вам знать, дядюшка, что Шмопск в последние годы захирел совсем, и лес буквально поглощает полузаброшенные пятиэтажки на его окраинах.

– Я подозревал нечто подобное. Зло, истекающее из болот, гноит город, заставляя жителей бежать прочь в поисках лучшей доли.

– Говорят, это все из-за давно закрытой АЭС на краю города, – возразил Ромуальд. – Вроде не весь уран оттуда вывезли.

– Уран тут ни при чем! Но мы сможем исполнить свой долг. Готов ли ты, как ученый, последовать зову совести и отправиться со мной в полное опасностей путешествие?

Молодой маркграф задумался. С одной стороны, в его распоряжении находился почти целый месяц, который он собирался посвятить научным изысканиям, а не шатанию по радиоактивным болотам. С другой же – отделаться от дядюшки не представлялось возможным: не гнать же его, в самом деле, из дома предков, раз уж он забрел на огонек?

«Нет, – подумал Ромуальд, любясь тем, как дядюшка Джем мастерски разделяет только что доставленного из кухни гуся, – избавиться от старого гриба не удастся. Придется ехать с ним в лес. Но убей меня бог, если я не устрою этому шантажисту веселую жизнь!»

– Знаете, дядя, – в задумчивости проговорил он, – боюсь, что вдвоем нам не справиться. Я думаю, следует включить в состав будущей экспедиции моего достопочтенного тестя и его друзей. О, не переживайте, они более чем компетентны в самых различных вопросах. Пейте каховское, дядюшка: утром же мы отправимся в Кирфельд.

2

– Тяжко, брат, – признался барон Кирфельд своему старому другу, дракону по имени Шон. – Опух я.

– С чего бы это? – удивился Шон, задумчиво ковыряясь в ухе кончиком хвоста. – Я что-то не вижу.

– Это оттого, что и сам ты опухши. А опухли мы, брат, от сидения на месте. Вспомни-ка, когда мы в последний раз охотились? Или хотя б на сома ходили? Все сидим да козла забиваем.

И с этими словами, привстав, барон помешал в котле новейшее, собственного рецепта удобрение, которое он готовил для рапса. По двору пронесся мощный сивушный дух. Пробегавшая мимо курица с любопытством принюхалась и не нашла ничего лучше, как рухнуть в обморок.

– Скоро Ромуальдушка наш пожалует, – вспомнил Шон, поглядев на часы. – С этим своим, дядькой.

– Джедедайю я немного помню, – кивнул барон. – Кажется, он слыл изрядным обжорой и очень увлекался естествоиспытательством. Все на речку ходил, жаб надувать. Впрочем, у них это семейное. Н-да-а... пора, пожалуй, готовиться к приему гостей. Тихон! – кликнул он блуждавшего поблизости подпаска. – Ноги мыл сегодня?

– А то! – радостно отозвался юноша.

– Ну, раз мыл ноги, значит, и руки чистые. Иди вот, помешивай. Еще полчаса кипеть ему надо. Потом огонь зальешь да котел крышкой прикроешь. И смотри мне это вот!

– Слушаюсь, ваша милость! – усердно взялся за черпак подпасок, счастливый оказанным доверием.

Барон же Кирфельд, тяжело вздыхая, поднялся со своей табуретки и заковылял в замок. Через минуту до Шона донеслись из кухни его вопли по поводу подгоревшей бараньей головы. Дракон понимающе хмыкнул, закурил папиросу марки «Казбек» и шумно почесал грудь.

– Видать, нынче не в духе его милость-то, – осторожно заметил подпасок Тихон.

– Ты мешай себе, – флегматично скривился дракон. – Не твое то дело. Засиделся старик, а что делать – и не придумать даже. Хотели вот в Житомир с ним слетать, так ПВО, будь она неладна, третий месяц с разрешением на пролет тянет. Вот и киснем тут.

– Киснем, киснем, – раздался чей-то недовольный тенорок. – Всю охоту сорвали!

Из окна подвала хвостом вперед вылез упитанный серый в полоску котенок, волочащий за собой огромную дохлую крысу.

– И зачем так орать было, – сев, он утерся лапкой и вздохнул. – Вон, Марусю, заразу, придавил, а племянники ее разбежались. Ищи их теперь в наших катакомбах.

– Здоров, Толстопузик! – дружелюбно зашевелился дракон. – А где наставник твой, Жирохвост?

– Спит где-то, – пожал плечами котенок. – Говорит, старый стал, скучно ему. Не знаю, какой он там старый, а что до скуки, так тут его правда. Вчера вот в деревню ходили: тоска кругом смертная. Ужас: жара, мухи летают. Старик Партизан гречишным суслон с утра еще разговелся, да и лег посреди дороги – почтальон на мотоцикле ехал, остановился, понюхал, и обратно, потому как не объедешь, а другой дороги нет. А потом господин барон жалуется, чего это ему «Ведомости» не доставили.

За стенами замка послышалось сдержанное рычание двигателя, по случаю чего в надвратной башне задергалась стража.

– Вот и они, – проворчал Шон, глядя, как во двор въезжает запыленный пикап марки графа Ромуальда Шизелло.

Толстопузик поспешно запихал убиенную крысу под рогожу и принялся вылизываться, чтобы предстать перед гостями в самом лучшем виде. Шон же тогда встал во весь свой немалый рост и зашагал к автомобилю.

Из кабины выбрались слегка зеленоватый маркграф и широкоплечий, пузатый коротышка в неряшливых растопырчатых бакенбардах. Одет он был скромно, но со вкусом: желто-зеленый смокинг, штаны в крупную клетку и белые бальные туфли с потертыми гамашами. Завидев дракона, дядюшка Джед попятился и уже раскрыл было рот, чтобы прочитать заклинание, но потом сумел взять себя в руки.

– Дорогой Шон, – икая, обнял дракона Ромаульд. – Разреши представить тебе моего дядю, Джедедайю Шизелло, не далее чем вчера прибывшего к нам после долгих, и ээ-э, многолетних, я бы сказал, странствий.

– Очень приятно, – порадовался дракон, пытаясь отодраться от себя липкого маркграфа. – Меня зовут Шон. Господин барон, я полагаю, уже ждет нас за столом.

На порог замка тем временем выполз усталый от недосыпа дворецкий и, хряснув по камню алебардой, пригласил всех желающих вовнутрь. Первым двинулся Ромаульд, все еще содрогающийся в икоте, за ним Джедедайя, а следом – Шон с немного влажным Толстопузиком на сгибе локтя.

Барон Кирфельд и впрямь ждал гостей во главе стола. При виде их, входящих в залу, он поднялся, оправил на себе подбитую сурком мантию и зашагал навстречу. В самых возвышенных словах Ромаульд представил ему своего дядюшку, все облобызались по три раза, после чего сочли уместным сесть к столу.

– Признаться, в молодости, я и сам не раз подумывал о том, чтобы отправиться в путешествие с научными целями, – начал, для затравки, господин барон, наблюдая за тем, как ему накладывают на блюдо холодное, – но служба при дворе не оставляла времени для столь возвышенных дел. А потом, следует вам знать, я женился, и...

– Давайте выпьем за здоровье дорогих гостей, – поспешил разрядить обстановку Шон, так как ему было хорошо известно, что размышления о семейной жизни неизбежно закончатся битьем посуды и строевыми песнями.

– Ваше здоровье! – с затаенной горечью провозгласил барон и скромно употребил бокал шампанского.

– Очень рад снова встретиться с вами, дорогой Кирфельд, – ответил Джедедайя Шизелло. – Ведь с момента моего отъезда прошло так много лет! О, я помню, как вы приезжали в округу, в серебряной кирасе и с аксельбантом придворного офицера. В те дни, дорогой племянник, окрестные владельцы запирали своих дочерей на пять замков – о, да!

– Было дело, – согласился барон. – Наливай, кравчий! Пришла пора нам вспомнить дни былые!

Очень скоро барон Кирфельд пришел в самое лучшее расположение духа. Компания Джедедайи Шизелло, отлично помнившего некоторые забавные события прошлых лет, а также воздействие сивушных эманаций от недавнего удобрения заставили его приказать выкатить из подвала бочонок коньяку и подать на стол пол-ящика лимонов.

– Случалось ли вам, друг мой, встречать нильских крокодильцев? – спрашивал наш барон, степенно набивая свою трубку.

– Я плавал по Нилу, – отвечал ему путешественник, – но должен сказать, что если и видел их, то на расстоянии хорошего гаубичного выстрела и, как правило, лунными ночами.

– Раз так, то вы, очевидно, проходили и Суэцким каналом? Скажите же, верны ли слухи, что обитатели этого канала весьма схожи с историческими аборигенами печально известного канала Грибоедова?

– Не совсем, друг мой. Наука знает, что аборигены канала Грибоедова ныне населяют лишь один берег Суэцкого.

– Во-от оно как, – тянул барон, радуясь ловкости, с которой Джедедайя расправляется с годовалым барашком. – Да уж, велика сила современной науки! Мне вот, знаете ли, так и не пришлось получить систематическое образование – покойник батюшка с юных лет определил меня ко двору, и все, что мне оставалось – лишь мечтать о путешествиях и подвигах первопроходцев. Потом прошли годы, а с ними закончилась и молодость. Теперь, дорогой друг, мне только и остается, что пухнуть от тоски, время от времени развлекаясь охотой на фазанов и всяческих рябчиков. Тоже мне, охота! В былые годы повелитель водил нас на тигра! Да-а...

И, выпустив к потолку изрядное облако сладкого дыма, барон Кирфельд замолчал. Уголки его рта горестно опустились вниз, отчего Джедедайя, немало сведущий в психологии, понял, что пришел его час.

– Охота, конечно, занятие благородное, – как бы невзначай заметил он, вытягивая на себя блюдо с куриными желудками, – но что же мешает вам, дорогой барон, осуществить юношеские мечты об удивительных путешествиях?

– Как что? – вяло взмахнул трубкой барон и вздохнул. – Куда мне, собственно, путешествовать, разве что в Пеймар на ярмарку! Хотя, конечно, компания у нас может собраться весьма недурная, – вдруг оживился он. – Смотрите, уважаемый Джедедайя: мой друг Шон – дракон выдающихся кондиций, надобно вам знать, что редко где найдешь дракона с метеотехникумом за плечами. Мой зять Ромуальд – видный ученый и вообще человек изрядного мужества. Недавняя история с призрачными мышами... а, впрочем, хрен с ней. О своем коне Пупыре я не могу сказать ничего дурного: он умен и вынослив в высшей степени. Еще есть пара великолепных котов – вон, посмотрите на младшего из них, Толстопузика – как вам молодец?

Джедедайя оторвался от куриных желудков и бросил одобрителный взгляд на котенка, весело беседующего о чем-то с Шоном и Ромуальдом.

– Боец, я вижу, хоть куда, – оценил он. – С таким не стоит бояться неожиданных атак неприятеля.

– Видели б вы его учителя, Жирохвоста, – покачал головой барон. – Канта и Фрейда цитирует с любой страницы по памяти... а скольких передал крыс – уму не растяжимо!

– А что б вы сказали, дорогой барон, если бы я осмелился предложить вам нечто... настоящее? – с прищуром проговорил Джедедайя и живописно отодвинул от себя опустевшее блюдо.

Слуги внесли в залу с дюжину поросят. Барон посмотрел на них неожиданно загоревшимися глазами и ударил по столешнице своим старым походным стаканом:

– Слушаю вас, Шизелло! Что вы изволили иметь в виду?

Путешественник предпочел начать несколько издалека.

– Видите ли, господин барон, в течение многих лет я странствовал по далеким островам в поисках знаний о том не познанном, что, быть может, кроется вокруг нас. О, я пережил немало. Меня качали шторма, валила с ног лихорадка, не раз и не два я находился на волосок от смерти, но всегда, – и с этими словами Джедедайя подцепил с блюда поросенка, – всегда я знал: только наука может спасти мир. А раз так, жалеть себя мне не приходилось. Однажды, беседуя с неким колдуном, я услышал о том, что на далеком острове, затерянном в бушующем океане, ждет своего часа таинственная реликвия. И час этот близок!

– Да что вы говорите! – насторожился барон.

– Да-да! Выслушав старика, я немедленно нанял яхту и отправился на указанный им остров. После долгого пути, совершенного, заметьте, в самый разгар сезона дождей, я смог пробраться к потухшему вулкану, и там, встретясь с вождем таинственного племени шаманов, я получил в свои руки неказистый на вид каменный шар. Но шар этот...

И Джедедайя Шизелло, оставив в покое поросенка, надолго наклонился к самому уху господина барона.

3

– Шесть ящиков тушенки – это минимум, – заявил Джедедайя, опасливо оглядываясь по сторонам.

– Шесть?! – поразился Шон. – Но помилуйте, до Шмопска ехать-то – всего ничего!

Вокруг них шумел, полоща цветным брезентом палаток, базар. Болезненно переживая за доверенный ему бароном бумажник с заветной кредиткой, Джедедайя Шизелло постоянно осматривался и старался не подходить к лоткам близко.

– Шесть, – твердо повторил он. – И горошка мозговых сортов – тоже хотя бы шесть.

– Немыслимо, – вздохнул Шон, подходя, однако, к лотку. – Жирафов мы там кормить, что ли, будем...

И дюжина ящиков оказалась у него на спине. Горько корчась, Шон загрузил на себя еще пуд цветной капусты, три пуда буряка и полцентнера докторской. Все остальное могло поставить путешественникам имение Кирфельд. Следует заметить, что Джедедайя Шизелло подошел к закупкам продовольствия со сноровкой бывалого путешественника. Основу провианта составляли знаменитые консервы «Частик в томате», а также свиная тушенка и горошек мозговых сортов. Искренне недоумевающего дракона, которому выпало волочь все это на себе до пикапа, знаменитый путешественник сразил одной лишь фразой.

– С чего вы взяли, дорогой Шон, – спросил он, – что наш путь будет столь близким, как вы полагаете?

На этом дракон застыл, и стоял так некоторое время, будучи погружен в размышления.

– Но помилуйте, уважаемый Джедедайя, ведь до Шмопска ехать-то от силы часов семь-восемь! – возразил он, сваливши наконец товар в кузов пикапа.

– А кто сказал вам, что прямой путь бывает самым коротким? – резонно возразил Шизелло.

Шон не нашелся, что ему ответить, лишь молча сел за руль и запустил двигатель.

– Выступить нам в полночь, – загадочно произнес Джедедайя, – то-то и хорошо.

Шон же промолчал: впереди расстилалась трасса, а учитывая тот факт, что гидроусилитель на пикапе работал только влево, ему было о чем думать и без дядюшки Джеда. Впрочем, путь их сложился недолгим: свернув через час с шоссе, пикап пошел по грунтовой дороге, ведущей к замку Кирфельд. Однако же, не прошли они по грунту и километра, как путь им преградил совершенно неприличных размеров кабан.

– Здоров, Партизан! – крикнул ему Шон, успевший оттормозиться. – Что это ты тут?

– Слышал я, – мрачно заговорил свин, – что господин наш барон собрался в большое путешествие на борьбу с нечистью.

– Хм, – немного удивился дракон. – Ну так, и что ж с того?

– А то, – произнес Партизан, медленно надвигаясь на пикап, – что жизнь моя недолга, а долг – сроку не имеет. В годы былые, надобно вам знать, господин барон пожалел меня, крохотного молочного поросенка, и отправил вместо поварской – на выгул, хотя, скажем уж прямо, барон был голоден... А коль так, то нет иного пути, нежели ехать мне с вами.

– Решать не мне, – вздохнул дракон. – Но, может, мы все же проедем?

– Не мне же преграждать тебе путь, – ухмыльнулся кабан. – Но привет мой передай.

– Постараюсь не забыть, – кивнул Шон, снова наступая на газ.

Загнав пикап во двор замка, Шон выбрался из кабины и не без наслаждения развернулся в обычный свой размер – известно ведь, что хоть он и был драконом-трансформером, но всем остальным своим модификациям предпочитал боевую или застольную, а никак не норную. На пороге, деловито пожевывая бутерброд с одесским палтусом, уже стоял господин барон. Рыбий жир нежно струился по его бороде.

– Что, – поинтересовался он, – отоварились?

– А как же, – отозвался дракон. – Правда, уважаемый Джедедайя, как мне кажется, проявил несколько излишнюю предусмотрительность. Боюсь, остатки нашего провианта придется потом отдать на кормление голодных Уганды, да еще и туарегам достанет.

– Это ничего, – поднял руку с зажатым в ней бутербродом барон. – Это хорошо даже. Есть еще какие-то новости? А то дело, надо вам знать, уже к обеду: компот не прозевать бы.

– Да Партизан тут, – замялся Шон. – В бой старик рвется.

– Это как же?

– Да, говорит, вот не съел меня господин барон в обед во времена былые, а теперь на старости лет долг отдавать пора. С нами хочет.

– Долг, – задумался барон. – Без бухгалтера Дрызгалли мне, конечно, подсчитать сложно, но думаю, что не менее семи тысяч поросят я от него получил. Что ж долги?

– Говорю же, в бой рвется...

Барон Кирфельд помотал головой.

– На покой старому дурню пора, а он все туда же. Обойдемся. Обидится – на два ведра каши пенсию прибавлю. Хрен с ним, с Партизаном, в самом деле. А-абедать! – рывкнул барон так, что со второго этажа посыпалась пыль, осевшая на стенах после недавней бури.

Обедали наскоро: две дюжины каплунов, золоченый ушат перловки, павлиний салат, да бочонок алазанского – не считая компота, конечно. Едва успев вытереть салфеткой губы, барон велел нести карту, ведь время в герцогстве летит быстро, так что до заката оставалось уже недолго. Дворецкий приволок свиток старой, на марлевой еще подкладке, карты Генерального Штаба, которую когда-то презентовал барону Старший Картограф маркиз Дюймовый.

– Молодой я был, – вспомнил вдруг барон. – Да! Когда-то и по оперативному отделу служить приходилось. Кукурузные палочки, помню, в военторге сушице копейки стоили. А пили всё больше «Огуречный», на портвейн уже не было...

Мастерски раскатав по очищенному от объедков столу карту, он вдел в глаз серебряный дедов монокль и взял в руки офицерскую линейку.

Красный с одного конца и синий – с другого, остро заточенный карандаш барона уткнулся в Шмопск.

– Плацдарм у нас, стало быть, здесь! – провозгласил он. – Однако не пойму я, что это у нас там с изобарами?

– Поплюйте на них, – посоветовал Шон и, прихватив за плечи Джедедайю Шизелло, наклонился над картой: – Итак... высота? Она?..

Дыша друг на друга алазанским, искатели приключений совещались до темноты. По карте путь их ждал не так чтобы уж долгий: но мудрый путешественник Джедедайя, знающий, что где лежит, настаивал на том, что готовиться, как всегда, надо к худшему...

Так пришла ночь, а с нею вместе прибыл Ромуальд, уже готовый ко всему, и началась погрузка.

4

Молодой маркграф Шизелло, который шел на своем пикапе во главе колонны, незадолго до выезда утверждал, что дорога великолепна и вообще завтракать придется уже в самом Шмопске. Однако же...

На границе имения водитель коновоза,двигающегося между пикапом Ромуальда и машиной барона Кирфельда, был вынужден резко затормозить, так как из сырого ночного мрака ему под колеса вдруг ринулась добрая сотня молодых свиней самого решительного вида. Коновоз встал – и за те несколько мгновений, что водила недоуменно таранился на блестящие в свете фар глаза и пяточки, через приоткрывшуюся сзади дверь тяжело запрыгнул старый патриарх Партизан.

– Ну, вот я и на месте, – воскликнул он, пожимая руку Шону. – Спасибо, друзья, я знал, что вы не бросите старика!

– Не знаю, что скажет господин барон, – покачал головой Пупырь, – но теперь уж сделать ничего нельзя. Будем надеяться, что все обойдется...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.